

Глава 14. Я позабочусь о нем!

Я очнулась во временном госпитале. Оригинал был разрушен. Я почувствовала это. Я проверила себя и не обнаружила ничего плохого. Я пожала плечами и встала с кровати. Я была в порядке, разве что немного устала. Это могло подождать.

– Эй! – сказала медсестра, – Вам нужно...

Я бросила на нее взгляд и схватила свою повязку. Я надела ее, чтобы скрыть изображение алмаза. Затем я побежала в сторону своего района. Может быть... может быть, они еще живы. Я знала, что это маловероятно. Я знала, что это будет больно, но... я хотела. Мне нужно было...

Улица была пустынна. Ничего не было. Я побежала к дому. Там была зияющая дыра. И тут я почувствовала запах. Запах, к которому я уже привыкла. Меня замутило. Кровь. Я вошла внутрь. Все было разрушено, почти ничего не осталось.

Я прислонилась к последней оставшейся стене и зарыдала.

– Нохара-сан? – раздался голос позади меня, – Вы Рин Нохара?

– Да. – Я встала и обернулась.

Передо мной стоял младший шиноби, генин или чунин. Он неуверенно протянул мне два черных свитка с печатями и знаками кандзи на них. Каа-чан... Тоу-сан...

– Вы...

Я кивнула:

– Спасибо.

Он кивнул. Я сдавленно вздохнула, когда он ушел. Я упала на колени, прижав свитки к груди. Их больше нет, это было подтверждено. Они не были моими родителями, но они были родителями Рин, а я была она. Я зарыдала еще сильнее, тяжело дыша.

– Ты... – Я услышала, как сзади подошел Генма. Его уже выписали?

– Ну же, – сказал он, помогая встать, – Ты можешь стоять?

Я кивнула и встала. Но я покачнулась и упала. Он подхватил меня и поднял, держа как невесту, пока я плакала. Он нес меня через руины деревни. Он ничего не говорил, и я тоже. Мы пришли к его дому, который, как по волшебству, не пострадал. Половина деревни не пострадала, а моей семье не повезло.

– Эй, Каа-сан, – обратился он к своей маме.

Он поставил меня на землю, и я смогла встать.

– Ширануи-сан, – сказала я.

Она посмотрела на меня, потом на Генму.

– Это Рин, – представил он.

– Я знаю, – сказала она, – Ей нужна ванна... и... много чего еще. – Она потащила меня в заднюю часть дома: – Пойдем, девочка, приведем тебя в порядок.

Я улыбнулась, но ничего не сказала. Генма попытался последовать за мной.

– Ни в коем случае! – сказала его мать, – Девочке нужно уединиться. На что ты пытаешься смотреть?

Его лицо покраснело, а мать рассмеялась. Она повела меня в ванную.

– Я вернусь с одеждой, – сказала она, – Прими теплый душ. Тебе это нужно.

Я кивнула в знак благодарности, и она ушла. Я встала перед зеркалом и вдруг поняла, как ужасно выгляжу. Мое лицо было перепачкано грязью и следами от слез. Я была вся в крови. Мои глаза были красными от слез, а белая рубашка стала коричнево-красной. Я заметила, что моя рука зажила.

Я вздохнула и пошла в душ. Мне было хорошо. Было тепло. Я завернулась в полотенце, как раз когда вошла мать Генмы. В руках она держала кучу одежды.

– Я пыталась подобрать тебе одежду по стилю, – сказала она, – Кое-что из этого - моя старая одежда, посмотри, что подойдет.

Я кивнула, и она ушла. Она дала мне нижнее белье, которое идеально подошло. Затем были рубашка с длинными рукавами, жакет и юбка. Юбка была серой, а не белой, но это было нормально. Лишь бы не красная...

Я вышла, и Ширануи-сан усмехнулась.

– Хорошо выглядишь, согласен? Генма?

– Да, – покраснел Генма.

Я грустно улыбнулась им.

– Пойдем, – Ширануи-сан потащила меня на кухню и протянула мне миску с рисом. – Ешь.

Я покачала головой, я не была голодна.

– Тебе нужно поесть, – сказал Генма, – Ты давно не ела.

Я посмотрела на него: как давно меня не было дома? Должно быть, он увидел на моем лице растерянность, потому что ответил:

– С момента нападения прошло около шестнадцати часов. Коноха находится в состоянии паники.

– Ешь, – сказала Ширануи-сан, и я принялась за еду. Я сидела за их кухонным столом и молча ела. Генма сидел напротив меня, но никто из нас не разговаривал. Я не могла говорить.

Горло болело от криков и кашля, и говорить было больно. В дверь постучали. Ширануи-сан ответила.

– Рин Нохара здесь? – спросил тот, кто стоял за дверью. Это был АНБУ: – Ее присутствие требуется в башне Хокаге немедленно.

– Ни в коем случае! – сказала Ширануи-сан.

Я вздохнула, пока АНБУ говорил.

– Это прямой приказ самого Сандайме Хокаге-сама!

– Вы видели бедняжку? – спросила Ширануи-сан, – Почему я, как мать, должна отправлять ее на собрание в таком состоянии?

– Она не может присутствовать? Она физически нездорова?

– А... нет...

– Тогда она должна прийти, – сказал АНБУ.

Я встала и медленно пошла к двери, пока Ширануи-сан спорила.

– Это... – Я прошептала: – Все в порядке, я могу идти.

Ширануи-сан обеспокоенно посмотрела на меня:

– Хорошо, но..."

Я ободряюще улыбнулась ей, и она вздохнула. Я вышла из дома.

– Пойдемте, – сказал АНБУ.

Я кивнула и исчезла, оставив АНБУ позади. Даже мертвый, Минато-сенсей сохранил печать "Летящего Бога Грома". Я использовала ее и телепортировалась прямо в башню Хокаге, оказавшись перед дверью в зал заседаний. Я глубоко вздохнула.

«Я шиноби... Я шиноби... Я...»

Я шагнула внутрь.

– А, – сказал Сандайме, сидевший во главе стола, – Заходи, мы тебя уже ждали.

Я кивнула и закрыла за собой дверь. Я села на последний свободный стул, рядом с Шикаку.

– Ты в порядке? – прошептал он.

Я кивнула, понимая, что мои глаза покраснели от слез.

– Гм, – сказал Сандайме, и мы подняли головы.

– К сожалению..., – сказал он, – Йондайме Хокаге, к сожалению, скончался во время последнего нападения.

Остальные члены совета тихо переговаривались между собой.

– У него родился сын, – продолжил Сандайме. – Этот ребенок... джинчурики Девятихвостого.

– Наруто, – проговорила я.

Они повернулись ко мне. Обычно меня здесь не было, и многие не заметили, как я зашла, несмотря на то что Сандайме назвал мое имя.

– Простите? – спросил Данзо, – Сейчас не время говорить о... еде.

Я бросила на него взгляд.

– Сына Минато-сенсея зовут Наруто. Он назван в честь персонажа одной из книг Джирайи-сама.

– Понятно, – вздохнул Хирузен, его голос звучал так устало, так по-старчески, – Нам нужно обсудить, что делать с Наруто. Если люди узнают о его истинном наследии и если другие деревни узнают, что... внутри него, ему грозит опасность подвергнуться нападкам.

– Простите? – спросила я, – Кушина-нии жива?

Мужчина повернулся ко мне:

– Я глава больницы Конохи... и это чудо, что она выжила, а ее муж нет, как вы это сделали?

– Не в этом дело, – сказал Хирузен.

– О, но, – с любопытством сказал Данзо, – Я уверен, что мы все хотели бы знать.

Я вздохнула и посмотрела на него:

– Я исцелила ее.

– Но как? – спросила Кохару, – Расскажи нам, девочка.

Я вздохнула и сняла повязку, обнажив алмаз. В комнате раздались вздохи, и я услышала, как кто-то упомянул Цунаде.

– Молчать! – Хирузен хлопнул кулаком по столу, и шепот прекратился.

– Кушина-сама в коме, – сказал глава больницы, – Я сам провел диагностику. Не думаю... не думаю, что она когда-нибудь очнется. А если и очнется, то на это уйдут годы.

Я кивнула: для джинчурики разлучение с хвостатым зверем должно было означать верную смерть. Она выжила благодаря чуду и, возможно, здоровью Узумаки.

– Итак, на данный момент, – сказал Сандайме, – Наруто - сирота.

Нет. Кушина была жива, неужели его судьба останется прежней?

– Я позабочусь о нем! – сказала я.

– Ты? – рассмеялся Данзо, – Ты всего лишь чунин!

Я бросил на него взгляд. Сандайме вздохнул:

– Вообще-то... в свете последних событий... я, Сандайме Хокаге, повышаю Нохару Рин до джонина Токубетцу. Без споров.

– Она еще ребенок, – возразил Данзо. Он действительно действовал мне на нервы.

Я выпустила в его сторону убийственное намерение, и он вздрогнул.

– Хватит! – сказал Хирузен, – Данзо, помолчи... Рин... хоть ты и джонин, но еще молода, а Джирайя - крестный отец... что ты можешь сделать?

Я вздохнула:

– Во-первых, Джирайя - безответственный извращенец. Наруто лучше держаться от него подальше. Во-вторых, я знаю, что раз он безответственный извращенец, то ваш план до моего прихода... Вы, наверное, обсуждали, как сделать его сиротой и отправить жить одного в грязную старую квартиру.

Старшие члены совета виновато переглянулись.

– Но почему ты? – спросил Хирузен.

Я усмехнулась.

– Во-первых, я могу его защитить. Во-вторых, я его крестная мать. И в-третьих, я джинчурики, поэтому я его обучу.

Хирузен вздохнул:

– Ты права... но нет. Я немного изменю правила, но ты не можешь быть его опекуном.

Я вздохнула.

– Только джонинам и АНБУ разрешено знать о нем, но им запрещено рассказывать кому-либо. Никто не узнает, что он сын Йондайме. Его будут звать Узумаки Наруто. И никто, даже ты, Рин, не должна общаться с ним, пока он не станет генином, по крайней мере, – попросил Хирузен.

– Я... хорошо, – не стала спорить девушка. По крайней мере... по крайней мере, Наруто был в безопасности, а Кушина жива...

<http://tl.rulate.ru/book/108580/4191678>